

Неувядка

Татьяна Грибанова

Много имен, на дух не признав французское название «иммортель», дал русский народ этому цветку, скромному, как и сама крестьянская судьба: бессмертник, живучка, сушица, наконец, неувядка. А еще, к примеру, в отличие от южного, греческого «солнечное золото», на неласковых северных просторах окрестили его, соблюдая нашенские традиции, совсем уж по-свойски – мороз-трава. Иногда из-за нежных бархатистых лепестков его кличут кошачьими лапками.

Мне этот незатейливый цветок памятен с самого нежного возраста. Люлька моя в ту пору раскачивалась вдоль крошечной горницы, недалеко от бабулиной божнички. На ней вместо дорогих серебряных окладов на простенках иконах прижились венчики из неувядающей живучки, красота которой не облетала, не рушилась даже в зимнюю стужу, когда мороз расширял чудесными серебристо-ледяными листьями и бутонами окошки нашей хаты.

Как же влекли меня, несмышленную малышку, яркочелые, оранжевые, лимонные и желтые цветки, как хотелось до них дотянуться, поддержать в ручонках это дивное диво! Но строгая бабушка, окропив божничку, а заодно и бессмертника крошечной водой, прозывала их Богородицными цветиками и не позволяла никому, даже своей любимице внучонке, прикасаться, а не то чтобы отдать их на детскую забаву.

Спустя время обнаружила я, что неувядку почитали не только в нашем доме. И соседи этим нессыпающим великолепием изукрашивали красный угол, обряжали многочисленные семейные фотокарточки, даже почетные грамоты, которые, как теперь живописные полотна, в пору моего детства зачастую развешивались по стенам деревенского жилища. Заботные хозяйки выстилали днища своих сундуков этой чудной травой, проверено веками: где она лежала, там моли отродясь не водилось, боится она неувядки ничуть не меньше нафталина. Веками цветок этот не покидал стены крестьянских изб.

Был в наших селениях и еще один замечательный обычай. Как вставали в избах к Покрову вторые рамы, так укладывали внутрь, в межрамы, на подоконник яркие, подкрашенные цветы бессмертника. По подворью шагает выюга, стаян трещит в деревьях, носу за порог не вы-

сунуть, а на оконцах наперекор всей лихости цветочные поляны. Бейся, кусайся, зима – не страшна им ни лютость, ни стужа, видать, именно оттого и прозывается у нас цветок этот мороз-травой.

Убранство бессмертником подоконников – дело не удивительное. Ведь в народе нашем исконом веку жила глубокая потребность в обихоживании, украшении быта. Неотступная тяга к красоте породила и кружевной промысел, и альфе паруса русских ладей, и замысловатую резьбу наличников, и многоголосую вязь хороваых песен.

У нас в палисаде из года в год произрастали (видать, самосевом) крупные, с пятка, «городские» неувядки. Но неизменно, как подступится август месяц, на Пантелеймона, ранней ранью, усадив меня в плетушку, в нее же – «вузлячок» с бутылкой молока да анисовой лепешкой, бабушка громоздила поклажу на спину и топала с ней за дробнейшим бедно-желтым простужий бессмертником на заполоенный молодой подосенником Косорецкий бугор. Крутолобился он по правую руку от Горной, акурат над поросшим высоchenным белоусом пещариным ручьем.

Бессмертники живут дружным семейством, поодиночке их редко-редко когда встретишь, все кучкой норовят. Артель их издали приметить – сотни пышных круглых золотисто-солнечных венчиков на длиннющей бледной мохнатой ножке. Слово выпали из запрятанного в вершине сосны тичьего гнездышка, просыпались вдруг нечаянно по недолгаю какой-нибудь беззаботной славки желтенькие, неоперившиеся птенчики.

Как распустанся крошечные соцветия, напитаются восковым смоляным духом, так и не гаснут жарким солнышком на фоне борových синьих да малахитовых мхов ни день, ни недели, ни месяцы. Выются, бегают по ним в радости всякие-разные мураши да блошки.

Бабуля, ведавшая, как мне кажется, все на свете о целебных травах и кореньях, благоговела перед неувядкой и держала ее на особом счету. А как иначе-то? Ведь еще в дремучей древности русичи наделяли ее сверхъестественной силой. Наши пращурсы не сомневались в том, что душа умершего переселяется в этот необычайный цветок, чтобы передать близким свой последний поклон.

Иногда на Руси цветок бессмертника называли нечуй-ветер и искренне веря преданиям: мол, слепым помогает он открывать заклые клады,

сыскав неувядку (нечуй-ветер), а с ней водосбор, цветущую папороть да разрыв-траву (без нее-то уж точно дело не сладится!), в ночь на Ивана Купалу устремлялись разгуливать по округе, покуда не появится резь в глазах. А как случится ожидаемое, на великую радость, так не сойди с того места, принимайся копать, клад у тебя полеживает прямо под ногами.

Много увлекательных легенд и историй о бессмертнике бродит по белу свету и по сей день, но для меня остается самым дорогим стародавнее сказание, родившееся еще во времена татаро-монгольского нашествия. Уж и не припомню, от кого узнала и когда оно запало в глубины моей памяти.

Вероятно, бережется оно в родных местах из-за того, что Кирово-городские наше древнее-предревнее, аж четвертый век нашей эры! А чем черт не шутит? Вдруг события эти случились с какой-нибудь кировской Авдотьей? Има-то уж очень частое в Кирово-городские еще с незапамятных времен. А что татары подступались (и не раз) к одному из сторожевых постов засечной полосы, Кирово-городу, так о том кому ж в наших краях неизвестно?

Так вот. Давно это было, в ту пору, когда на Русь хлынули орды злых ворогов, когда не просыхала она от горючих слез вдов и сирот. Попали во полон к Батюгу вместе с другими воинами у русской женщины Авдотьи любимый муж, единственный сын и кровный брат. Любля она всех троих, и в сердце своем не забывала, и заботилась, и эдак, хоть бы одного удалось спасти, вымолить у нечисти, но кого из троих? Маялась-маялась и придумала. Решила: «Замуж выйду – муж будет. Будет муж – сын родится. А брата мне уже нигде не взять». С этими словами и ударилась она в ноги хану-завоевателю.

Подивился Батый речам мудрой женщины. Сорвал первопопавшийся под руку цветок, не ведая, во что он может превратиться в руках бесстрашной женщины от безмерной любви к близнему, от гнева к поработителю, от печали за судьбу полоненных соплеменников. И говорит лукаво хан Авдотье: мол, милость моя безмерна, вот награда за премудрость твою: иди по моему стану, уводи, пока не завянет этот полевой цветок, без выкупа всех подряд, кого пожелаешь.

Долго ходила по орде Авдотья, а цветок тот завянет не только не угас, не повял, а, вопреки Батыевой коварной задумке, с каждой минутой на-

полнялся все краше и краше, пока не стал бессмертным. Так мудрая русская женщина не позволила сгннуть во вражеском плену многим своим братьям. А цветок тот степной с тех пор нарекли бессмертником.

Может, оттого что бабуля помнила о травке этой все были и небылицы, набирали мы ее всегда корзину подвязь (да к тому ж вдобавок старушка моя, бывало, непременно для какой-то, одной ей ведомой настойки наломать красношляпных мухоморов), и чтобы не помять добыток, обратно из бора возвращалась я уже своим ходом. Хоть и уставала, придерживалась за бабулин подол, «просеменя пехом» версты три с гаком, но зато как же дожидалась я той минутки, когда, маленько передохнув, подстелив трюпичные дмотканые кружки, усаживались мы с бабушкой на прикрывленные ступеньки перебраться, повязать бессмертники в пучки-букеты, завить свежие венчики, чтобы приладить их вместо напрочь поблекших.

Зимой под Васильев вечер бабушка тоже отправлялась в сенной амбар и набирала охапку неувядки, а потом к Рождеству и к Великому дню, подрав юбки, с оханием взбиралась она на табуретку, бережно снимала старевающие, поседевшие со временем (со всем как человек!) цветы бессмертника с божнички и «подновляла на радость заступникам». А подкрашивала она сухочветы не чем иным, как теми же самыми красками, которыми вышестряла мотки

овечей пряжи.

Красители исконом веку бабы наши измудрялись востожить сами. Дело-то нехитрое. Залей, к примеру, дубовую кору кипятком, дай настояться – вот тебе и желто-оливковый цвет. Поднаберись терпения, выдержи подольше – изготовишь все оттенки, вплоть до глубокого черного. Бери да крась хоть нитки, хоть ткани, хоть те же самые сухочветы.

А то накопают деревенские в лугах корней конского щавеля, подкнут в него винный камень, и желтый, что твой одуванчик, получится цвет неувядки. Протрави его железом, так будешь иметь жуковой черный. Синего же цвета, знали, можно добиться, поколдовав с девясил-травой. Но самыми яркими, самыми любимыми красками всегда оставались те, что сделаны были на водной вытяжке зверобоя: хочешь зеленый цвет – получи, хочешь желтый, и этот можно из него состряпать, а подкислив отвар да прокипятив – так и бери крась под Пасху яйца. Будут твои крашенки и бордовые, и алье, и розовые, и красные.

Хоть и нет в неувядке пышной царственности иван-чая, но любят и почитают ее у нас, несмотря на скромность, ничуть не менее самых роскошных цветов. У каждого из них есть своя мера жизни, но все равно нестерпимо короткая. Цветы, это божественное чудо, к сожалению, смертны, как и люди. Ну день, ну неделя... и поник, и не осталось от него на свете даже малого следочка. Другое дело неувядка! Именно благодаря своей стойкости и бессмертию так памятен и любим этот цветок.